

Глава 19. Мастер по лечению лицевого паралича

Два дня и две ночи в пути, почти без сна и еды. Еян Цы смертельно устал и проголодался.

Он спешил к воротам ямэня и, даже не привязав поводья, запыхавшись побрёл к заднему двору, на ходу крича:

— Ломо, воды, одежду! Ли Тань, подай сладкого чаю и приготовь лепёшку!

Дойдя до внутреннего двора, хозяин ямэня резко остановился. Под деревом сидел огромный кот, привязанный и глядевший на него с нескрываемой враждебностью. Вокруг валялись обглоданные оленьи кости.

Кошек он не боялся, но эта, подобно одуванчику, разбрасывала повсюду шерсть, на неё не действовал даже специальный ароматический шарик для отпугивания кошек, и, что хуже всего, она была любимицей князя Гаотана, которую нельзя было ни ударить, ни прогнать. А теперь рысь сидела под его окнами, полная обиды и готовая в любой момент устроить ему очередной «тёмный ураган».

— Сюньцзянь Тан... — позвал Еян Цы. — Тан Шицзин!

Он видел у ворот коня инспектора и предположил, что тот в ямэне. Он крикнул пару раз, и действительно, Тан Шицзин, раздвигая ветви кустов, быстрой походкой вышел на тропинку.

— Господин уездный судья, чем могу служить?

Еян Цы издали указал на зверя:

— Найди время, привяжи её в карете и отправь обратно в резиденцию князя Гаотана. И ещё, те ароматические шарики — можешь сделать их посильнее, чтобы отгоняли и львов, и тигров, и леопардов, и рысей... в общем, всех кошек, больших и малых.

Он смотрел на рысь, а инспектор — на него.

Тан Шицзин уже видел его смертоносное мастерство на корабле, а теперь украдкой любовался его длинными ногами, тонкой талией, изящными плечами, тонкими линиями носа и губ, и той едва уловимой хрупкостью, проступившей сквозь усталость. Эта смесь силы и нежности была подобна росе на лезвии клинка или подушечкам на тигриных лапах — куда интереснее, чем просто мощь или слабость.

И это неуловимое «интересно», не привязанное к конкретным вещам и зависящее лишь от переменчивого настроения, было главным мотивом поступков Тан Шицзина, куда более

весомым, чем тысячи золотых наград.

Он был подобен блуждающему туману: куда подует ветер его сердца, туда он и плывёт, чтобы затем опуститься на землю и стать для кого-то кошмаром и гибелью.

— Я сегодня же отправлю этого зверя. Однако на создание более сильного средства может потребоваться некоторое время.

Еян Цы кивнул:

— Благодарю. Да, и ещё, будь добр, захвати с собой сборник стихов. Кажется, князь вчера в спешке оставил его на кушетке в восточном флигеле.

«Вчера... восточный флигель... кушетка, — мысли Тан Шицзина завертелись»

— Хорошо. У господина есть ещё какие-нибудь поручения?

Еян Цы немного подумал.

— Поручений больше нет, но есть забота.

— Забота? Обо мне? — Тан Шицзин поднял свои узкие глаза и без тени эмоций посмотрел на собеседника. — Я поистине польщён.

Еян Цы окинул его лицо внимательным взглядом.

— В столице есть один знаменитый лекарь, мастер по лечению лицевого паралича. Я могу написать ему и попросить действенный рецепт. Как будет время, опиши подробно свои симптомы, а я приложу их к письму.

Тан Шицзин: «...»

Слегка сжав зубы, инспектор невозмутимо ответил:

— Благодарю за заботу, господин, но я считаю себя совершенно здоровым и не могу описать никакие симптомы.

Еян Цы, спровадив подчинённого вместе с рысью, беспрепятственно вернулся в свои покои, где принял ванну, переоделся, поел и сразу уснул. Он проспал без задних ног до самого утра.

Проснувшись, он получил письмо. Оно прибыло из императорского дворца. Гонец, доставивший его, получил строгий наказ передать послание лично в руки новому уездному судье Сяцзиня.

Еян Цы немедленно принял гонца, долго расспрашивал его о новостях из столицы и лишь затем, приказав слуге проводить человека отдохнуть, плотно закрыл двери и окна кабинета и вскрыл конверт.

От бумаги исходил лёгкий аромат трав, почерк был холодным и изящным. Письмо начиналось словами: «Брату моему Цзеюню, да будет он здоров».

Еян Цы с усмешкой покачал головой.

«Всё никак не уgomонится, спорит, кто из нас старше. Близнецы близнецами, но кто первым на свет появился, тот и старший. Ты навсегда останешься моей младшей сестрой»

Его сестра, Еян Гуй, в письме много расспрашивала о его делах, но самое важное — делилась сведениями из дворца: «На днях великая княжна призвала меня для изготовления лечебных благовоний. Неожиданно прибыл государь Яньхуэй и стал обсуждать с её высочеством дела двора и императорского клана. Я не успела удалиться и была вынуждена отойти во внешние покои, но сквозь занавес кое-что услышала...»

Великая княжна Цинь Чжэюэ хотела было встать, чтобы приветствовать государя, но император Яньхуэй жестом остановил её:

— Сестра, не нужно церемоний, сиди.

Брат и сестра сели друг напротив друга.

Императору Яньхуэю, Цинь Линю, было за пятьдесят, но его волосы были ещё черны, кожа — упруга, и лишь несколько морщинок у глаз выдавали возраст, так что выглядел он лет на десять моложе.

А Цинь Чжэюэ, которая была старше его всего на пять лет, выглядела как обычная шестидесятилетняя женщина. Несмотря на безупречный макияж и царственную осанку, её седые пряди не были покрашены, и лишь золотая шпилька с фениксом и жемчужные серьги ярко сияли в свете ламп.

— Сестра, — начал государь, очевидно, придя с определённой целью, — Великий секретарь Жун вместе с Цензоратом снова подал доклад с просьбой открыть семь новых серебряных рудников, создать специальное ведомство для управления горнодобывающей

промышленностью по всей стране, запретить частную добычу и ввести суровое наказание за неё. Это дело государственной важности, что ты думаешь по этому поводу?

Цинь Чжэюэ, перебирая пальцами свежеприготовленный сестрой Еян ароматический шарик, спокойно ответила:

— Доклад Жун Цзюлиня — это воля государя. Раз решение уже принято, зачем спрашивать меня, женщину, заточённую в этих стенах?

Императора Яньхуэя это, казалось, не задело.

— Совместное управление государственными и частными рудниками — это политика, которую мы с тобой когда-то установили вместе. Сейчас, когда грядут большие перемены, я, естественно, должен узнать твоё мнение.

Пальцы княжны замерли, и она подняла на него глаза.

— Нас было трое.

Государь отвёл взгляд к свече на столе, и в его глазах промелькнула тень тоски.

— Да, был ещё третий брат. Жаль, что Цинь Лю так рано ушёл, иначе мне не пришлось бы в одиночку бороться со всеми этими силами при дворе и за его пределами. Кроме тебя, сестра, у меня не осталось никого, кому я мог бы по-настоящему доверять.

— Государь действительно доверяет мне? — прямо спросила Цинь Чжэюэ.

— Конечно.

— Тогда, если я скажу, что открытие новых рудников — это всё равно что вычерпать пруд, чтобы поймать рыбу, а запрет частной добычи — значит отнять у народа последнее, государь прислушается?

— Сестра...

— Когда Великая Юэ только была основана, страна была бедна. Поэтому мы разрешили частную добычу в небольших масштабах, чтобы обеспечить повседневные нужды в серебре и железе. И казна получала с них немалые налоги. Теперь же государственные рудники разрастаются, вытесняя частные и облагая их непомерными налогами, а государю всё мало, он хочет монополизировать всю отрасль.

Лицо императора Яньхуэя наконец-то потемнело.

— Все богатства Поднебесной должны служить двору.

— Если бы они все шли в казну, я бы и слова не сказала. Но какая часть серебра попадает в казну на самом деле? Боюсь, и трёх десятых не наберётся. Куда уходит остальное, государь прекрасно знает, — Цинь Чжэюэ с громким стуком опустила ароматический шарик на стол. — В казне не хватает серебра, на границе нечем платить жалованье, и министры просят денег из личной казны государя. Но государь предпочитает переселять пограничные войска вглубь страны, предпочитает годами вбухивать миллионы лянов в Дальнезападный научно-исследовательский институт западно-варварских лекарей-призраков, но не желает платить своим солдатам.

— Сестра! — император Яньхуэй с силой ударил по столу. — Прежде чем обвинять меня, посмотри на свою семью! Сколько твоих потомков наживается на частных рудниках в Северной Чжили и Шаньдуне? Часть этой прибыли оседает в карманах чиновников, мешая мне провести указ! А столичная роскошь — разве не ты и клан твоего покойного мужа Тань подали этому пример?

Брат и сестра свирепо смотрели друг на друга сквозь пламя свечи. В зале воцарилась мёртвая тишина, а снаружи придворные в страхе попадали на колени.

Наконец Цинь Чжэюэ уступила:

— Если государь твёрдо решил запретить частную добычу, я подчинюсь указу. Но боюсь, что интересы министров пострадают, и они будут исполнять указ лишь для вида.

Император Яньхуэй, конечно, понимал, что чиновники — лишь предлог.

— После национализации три десятых налогов с рудников Северной Чжили и Шаньдуна будут твоими.

— В Юньнани и Фуцзяни частных рудников ещё больше. Если я должна отказаться от всего... то с Северной Чжили и Шаньдуна я хочу шесть десятых.

— Четыре, и ни на долю больше.

Княжна, подумав, вздохнула:

— Договорились. Но с интересами чиновников можно разобраться, а как быть с частными рудниками императорской семьи?

— Все будут возвращены.

— Владения и потомки третьего брата находятся в Шаньдуне. Ему ещё в давние годы были пожалованы рудники. Неужели государь не проявит ни капли милосердия?

Император Яньхуэй промолчал, опустив глаза.

— Хотя бы оставь один-два Туаню и Шэню, пусть даже железные. Особенно в Гаотане, говорят, там совсем пусто.

— Я не буду больше мешать сестре отдыхать, мне пора во дворец, — сказал государь, поднимаясь.

Цинь Чжэюэ встала, чтобы проводить его, но он уже широкими шагами вышел из зала. Оставшись одна, она бросила ароматический шарик в жаровню. Запах цинаня мгновенно наполнил комнату. Она кашлянула и позвала:

— Сюэ-эр.

Еян Гуй легко вошла в покои и поклонилась:

— Ваше высочество.

— Слишком густой аромат. Сделай мне что-нибудь полегче.

— Слушаюсь. Какой аромат желает ваше высочество?

— Что-нибудь для очищения сердца и усмирения желаний, — сказала Цинь Чжэюэ. — Государь ведь предостерёг меня, что клан Тань слишком роскошествует.

Еян Гуй подняла голову и мягко ответила:

— В столице много высокопоставленных чиновников и знати, роскошь давно вошла в обычай, при чём здесь ваше высочество? А что до проступков клана Тань, то это дело главы клана.

— Верно говоришь. Где уж мне, вдове, управлять домом покойного мужа, мой дом — императорская семья, — Цинь Чжэюэ лично помогла девушке подняться. — Сюэ-эр, ты искусный лекарь, почаще заходи в мой дворец. И ещё одиннадцатый принц, он ещё мал и слаб здоровьем, тоже нуждается в твоём уходе.

Лекарь-служительница кивнула:

— Слушаюсь.

«Великая княжна всё ещё помнит о братских узах с покойным князем Лу и даже заступает за его сыновей, но государь не уступил. В горнодобывающей политике грядут большие перемены, и Северная Чжили пострадает первой. Брат мой, ты служишь в Шаньдуне, береги себя и не ввязывайся в придворные интриги. Бумага не терпит многословия, но знай, что я о тебе беспокоюсь. Твоя сестра, Цзай Сюэ, весна двадцать восьмого года правления Юньчжан».

Еян Цы, держа письмо в руках, долго размышлял, прежде чем сесть и написать ответ: «Сестре моей Цзай Сюэ, да будет она здорова. Твои наставления я запомнил. Но при дворе интриги ещё опаснее, чем в провинции. Ты умна и осторожна, и сама знаешь, как избежать беды. Передавая сведения, в первую очередь думай о собственной безопасности...»

Через четверть часа он закончил ответ, но, подумав, добавил в конце: «Здесь у меня есть один подчинённый, хитрый и способный, но, увы, страдает от лицевого паралича. Взгляд живой, а лицо — нет, глаза улыбаются, а лицо — нет. Сестра, ты искусный лекарь, нет ли у тебя средства от этой напасти?»

Тан Шицзин ещё не вернулся из Гаотана, а гонцу нужно было отдохнуть ночь, прежде чем завтра отправиться обратно. Еян Цы запечатал письмо сургучом и убрал в ящик стола.

Из сведений, полученных от сестры, он пытался понять отношение императора Яньхуэя к потомкам князя Лу, которое было весьма загадочным. Впрочем, теперь он догадывался, откуда у князя Гаотана деньги.

И у Цинь Шэня, и у Цинь Туаня в Шаньдуне были частные рудники. Раньше они платили налоги, и двор их не трогал. Теперь же братьям придётся несладко.

Цинь Туаню, возможно, будет легче: у него и жалованье высокое, и одних только торговых налогов с Линьцина хватит на его содержание.

А вот кому действительно не повезёт, так это Цинь Шэню. Гаотан и так беден, а если у него ещё и отнимут его маленькую казну, то ему придётся питаться одним лишь северо-западным ветром.

Еян Цы хотел было рассмеяться, но тут вспомнил, что должен этому бедному цзюньвану двадцать тысяч лянов серебра, и ему сразу стало не до смеха.

«Похоже, зарабатывать деньги — самое главное. Будь ты простой уездный судья или знатный цзюньван, без денег и шагу не ступишь»

<http://bllate.org/book/15875/1440187>